

Возникновение образа большевика в периодической печати Польши в ходе советско-польской войны 1919-1921 гг.

Сайганов Вадим Сергеевич

Аспирант

Донецкий национальный университет, Исторический факультет, Кафедра истории славян, Донецк, Россия

E-mail: saiganov_vadim@mail.ru

Появление образа большевика в периодической печати Польши напрямую связано с советско-польской войной, в особенности её кульминационной фазой «чуда на Висле» 1920 года. Изначально новый термин и новая фигура в пропагандистских формулировках газет, большевик быстро приобрёл гиперболизированные, демонические черты. Ему приписывали все возможные злодеяния и жестокости, количество сообщений о которых росло по мере того, как Красная армия продвигалась по территории Польши, быстро приближаясь к Варшаве. Данный образ сохранялся в польской печати на протяжении межвоенного периода, а многие стереотипные черты и представления можно найти и в современных русофобских взглядах поляков. Таким образом, представляется актуальным исследование того, как новая большевистская идеология и её представители изображались в польских изданиях периодической печати.

Источниковой базой исследования служат многочисленные издания периодической печати, плакаты и листовки периода 1918-1921 годов, которые доступны в оцифрованном виде в сети Интернет.

Образ врага-большевика в польской пропаганде имел разные воплощения. Татарин, монгол, китаец, отсылающие к устоявшемуся в более широком культурном контексте Европы образу «варвара-азиата», царский империалист, переодетый большевиком, подчёркивающий преобладание экспансионистских настроений России XIX и XX века, еврей, нацеленный на усилившиеся в изучаемый период антисемитские настроения. Иногда его изображали первобытным человеком с дубиной [1], диким бурым медведем [2] или всадником Апокалипсиса с головами Ленина и Троцкого. Фигура большевика была обязательно отвратительна: заросший, грязный вор, жаждущий крови [3]. Его изображали с ножом или топором в руке, около сожженных и разрушенных домов, церквей, черепов и т. д. Ему часто сопутствовал символический образ смерти в виде скелета. Но даже когда его не было рядом, через контекст, в котором был показан стереотип, он автоматически становился синонимом смерти и разрушения. Пропаганда умело использовала стереотип анархиста-атеиста, существовавший до Первой мировой войны. Борющийся с религией, церковью, порочащий традиции и общепризнанные моральные стандарты, он во многом повторял гипертрофированные черты более позднего образа большевика, который пропаганда просто модернизировала под конкретные потребности исторического момента.

Польско-большевистский конфликт был представлен пропагандой как борьба двух миров - Запада с Востоком, европейской цивилизации с восточным варварством [4], демократии и свободы против русского империализма и деспотизма. [5] Население стремились успокоить газетными сообщениями о стойкости и жертвенности польских солдат, героически защищающих страну - в отличие от солдат Красной Армии, которые сражались из последних сил и вскоре должны были потерпеть поражение. [6] Распространено было и стремление преувеличивать ряд новостей для создания нужного эмоционального фона. Некоторые газеты («Gazeta Poranna», «Głos Polsk» и «Gazeta Ludowa») сообщали о колоссальной помощи западных стран [7] и утверждали, что Антанта не оставит Польшу

большевикам. [8] «Rzeczpospolita» писала об отправке Великобританией своего флота в Балтийское море, о добровольцах, рвущихся в Польшу, об организации Францией помощи Польше и т. д., заключая, что «несомненно, наша война в ближайшем будущем станет их войной». [9] «Głos Polski» пошёл ещё дальше и опубликовал план марша французских войск в Польшу. [10]

Таким образом, прослеживается тенденция эволюции восприятия термина «большевик» и образа большевика в польской периодической печати 1918-1921 годов. Если сразу после революции в России его присутствие на страницах польских газет представляется как нечто новое, неведомое и опасное, но происходящее в соседней стране и узнаваемое зачастую со слов очевидцев - вернувшихся в Польшу военных польской национальности, эмигрантов, то с началом советско-польской войны образ большевика трансформируется в максимально негативный, демонический, который используется для крайне отрицательной, расчеловечивающей характеристики и самих большевиков, и всех симпатизирующих им. Трансляция этого образа польскому обществу облегчалась наличием теперь уже и личного опыта взаимодействия с носителями большевистской идеологии у части польского населения.

Источники и литература

- 1) Ojczyzna w niebezpieczeństwie!, BUW, DU XIX P. 31 [3527].
- 2) Mucha 30 lipca 1920. nr. 31.
- 3) Mucha. 23 lipca 1920. nr. 30.
- 4) Bój o Warszawę // Gazeta Warszawska. 14 sierpnia 1920. nr. 221.
- 5) Ajenci rosyjscy jako "Rząd Rewolucyjny" // Robotnik. 10 sierpnia 1920. nr. 216.
- 6) Wytrwajmy // Gazeta Poranna. 1 sierpnia 1920. nr. 195.
- 7) Państwa koalicji wobec Polski // Głos Polski. 8 sierpnia 1920. nr. 210.
- 8) Pomoc Ententy dla Polski // Gazeta Poranna. 7 sierpnia 1920. nr. 201.
- 9) Stroński S. Stanowczych czynów // Rzeczpospolita. 4 sierpnia 1920. nr. 50.
- 10) Plan przemarszu wojsk francuskich // Głos Polski. 6 sierpnia 1920. nr. 208.